

L'ANALISI LINGUISTICA E LETTERARIA

FACOLTÀ DI SCIENZE LINGUISTICHE E LETTERATURE STRANIERE
UNIVERSITÀ CATTOLICA DEL SACRO CUORE

2

ANNO XIX 2011

L'ANALISI
LINGUISTICA E LETTERARIA

FACOLTÀ DI SCIENZE LINGUISTICHE
E LETTERATURE STRANIERE

UNIVERSITÀ CATTOLICA DEL SACRO CUORE

2

ANNO XIX 2011

PUBBLICAZIONE SEMESTRALE

L'ANALISI LINGUISTICA E LETTERARIA
Facoltà di Scienze Linguistiche e Letterature straniere
Università Cattolica del Sacro Cuore
Anno XIX - 2/2011
ISSN 1122-1917

Direzione

GIUSEPPE BERNARDELLI
LUISA CAMAIORA
GIOVANNI GOBBER
MARISA VERNA

Comitato scientifico

GIUSEPPE BERNARDELLI – LUISA CAMAIORA – BONA CAMBIAGHI
ARTURO CATTANEO – MARIA FRANCA FROLA – ENRICA GALAZZI
GIOVANNI GOBBER – DANTE LIANO – MARGHERITA ULRYCH
MARISA VERNA – SERENA VITALE – MARIA TERESA ZANOLA

Segreteria di redazione

LAURA BALBIANI – SARAH BIGI – COSTANZA CUCCHI
MARIACRISTINA PEDRAZZINI – VITTORIA PRENCIPE

© 2012 EDUCatt - Ente per il Diritto allo Studio Universitario dell'Università Cattolica
Largo Gemelli 1, 20123 Milano - tel. 02.72342235 - fax 02.80.53.215
e-mail: editoriale.dsu@educatt.it (*produzione*); librario.dsu@educatt.it (*distribuzione*);
web: www.educatt.it/libri

Redazione della Rivista: redazione.all@unicatt.it - *web:* www.educatt.it/libri/all

Questo volume è stato stampato nel mese di novembre 2012
presso la Litografia Solari - Peschiera Borromeo (Milano)

CONJUNCTIONS AS MARKERS OF RHETORIC RELATIONS IN DISCOURSE: THE CASE OF RUSSIAN 'И'

СОЮЗЫ КАК МАРКЕРЫ РИТОРИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ДИСКУРСЕ: РУССКИЙ СОЮЗ 'И'

И. М. КОБОЗЕВА

1. Введение

Союзы – неотъемлемая часть любого естественного текста. Вместе с некоторыми частицами (напр., *ведь*), вводными словами (напр., *следовательно*) и синтаксическими фраземами (напр., *тем не менее*), они входят в функционально-семантическую категорию коннекторов. Союзы, несомненно, образуют ядро этой категории. Для того, чтобы показать роль коннекторов в обеспечении связности и понятности дискурса, рассмотрим один абзац научно-популярного текста¹, из которого устраним все союзы и прочие коннекторы, а на их месте оставлен знак Ø:

- (1) Камень, Ø самоцветный, украшает нашу жизнь. Он должен войти в наш повседневный быт, Ø вошли в наш дом хрустальная и стеклянная посуда, букеты цветов ... Мы все любим цветы, радуемся удачно составленному букету. Ø проходит немного времени, Ø ... «как хороши, как свежи были розы». Камень Ø практически вечен.

Нельзя не признать, что даже при сохранении знаков пунктуации, маркирующих членение дискурса и отчасти указывающих на степень и иерархию смысловых связей между его составляющими, текст поначалу воспринимается как бессвязный и невразумительный. И только перебрав ряд возможностей, можно с некоторой долей вероятности восстановить коннекторы оригинала, и тем самым прояснить семантические отношения между единицами дискурса (далее ДЕ). Таким образом, совершенно очевидно, что коннекторы – одно из важнейших языковых средств, которые помогают говорящему делать свое сообщение ясным, легким для обработки и достигать этого весьма экономным способом, или, в прагмалингвистических терминах, действовать в соответствии с Максимами Способа П. Грайса² или Принципами текстовой риторики Дж. Лича³.

¹ С.М. Николаев, *Камни и легенды*, Сибирское университетское издательство, Новосибирск 2007, с. 5.

² Н.Р. Grice, *Logic and conversation*, in *Syntax and semantics*, vol. 3, P. Cole – J. Morgan ed., Academic Press, New York 1975, pp. 41-58.

³ G. Leech, *Principles of Pragmatics*, Longman, London/New York 1983.

Приведем рассмотренный выше фрагмент текста без искажений, пометив цифрами в квадратных скобках его терминальные составляющие дискурсивного уровня – элементарные дискурсивные единицы (далее ЭДЕ)⁴:

- (1') Камень [1], *в том числе* самоцветный [2], украшает нашу жизнь [3]. Он должен войти в наш повседневный быт [4], *как* вошли в наш дом хрустальная и стеклянная посуда, букеты цветов [5] ... Мы все любим цветы [6], радуемся удачно составленному букету [7]. *Но* проходит немного времени [8], *и* ... «как хороши, как свежи были розы» [9]. Камень *же* практически вечен [10].

Выделенные шрифтом в (1') коннекторы выражают семантические отношения, связывающие между собой как ЭДЕ, так и более крупные дискурсивные единицы. Так, коннектор *в том числе* маркирует отношение уточнения между неполными ЭДЕ [1] и [2]; союз *как* – отношение сравнения между ЭДЕ [4] и [5]; союз *но* выражает отношение противопоставления между ДЕ [6-7], состоящей из ЭДЕ [6] и [7], и ДЕ [8-9], которая состоит из ЭДЕ [8] и [9]⁵. Союз *и* соединяет ЭДЕ [8] и ЭДЕ [9], связанные временным отношением. Наконец, частица-коннектор *же* выражает отношение противопоставления между ДЕ [8-9] и ЭДЕ [10]. Разумеется, интерпретируя отрывок (1'), мы понимаем и такие смысловые связи между составляющими его ДЕ, которые остались невыраженными при помощи коннекторов, например, отношение обоснования, связывающее тезис – ЭДЕ [4] – и аргумент в пользу его принятия – ДЕ [6-10]. Однако подавляющее большинство семантических отношений между ДЕ в нормативном письменном дискурсе эксплицируется при помощи союзов и других коннекторов.

Можно ли дедуктивно исчислить универсальный набор таких семантических отношений, которые кодируются при помощи союзов и прочих коннекторов в разных языках? Думается, что дело это бесперспективное. Используемые в ряде современных теорий анализа дискурса инвентари семантических отношений сформированы прежде всего на базе длительной традиции изучения семантики союзов в рамках описательных грамматик, разумеется, не без влияния логики, и в особенности теории аргументации и теории речевых актов⁶. Но отношения, выражаемые практически каждым из союзов, могут описываться как обобщенно, так и более детализированно, с учетом семантики соединяемых предложений. Поэтому и наборы

⁴ Мы пользуемся единым для устного и письменного дискурса определением ЭДЕ, которое дано в А.А. Кибрик – В.И. Подлесская ред., *Рассказы о словидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса*, Языки славянских культур, Москва 2009, с. 57.

⁵ Мы считаем составляющую [9] ЭДЕ, поскольку, несмотря на ее синтаксическую сложность, семантически она неделима, представляя собой фразеологизм, относящийся к категории «крылатых слов» (см. о них в А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, *Аспекты теории фразеологии*, Знак, Москва 2008]), и отсылающий к одному из «Стихотворений в прозе» И. С. Тургенева. В данном контексте он означает «≈ цветы увядают».

⁶ Примером семантико-прагматической теории, в которой отношения между высказываниями в тексте моделируются с опорой на теорию аргументации и теорию речевых актов в их интерпретации является Теория Конгруэнтности Р. Риготти, см. Е. Rigotti, *Congruity theory and argumentation*, “Studies in Communication Sciences: Argumentation in Dialogic Interaction. Special Issue”, 2005, сс. 75-96.

отношений, используемые в разных концепциях дискурсивного анализа, разнятся по своему составу. Да и в рамках одной теории инвентари отношений могут варьировать. Так, в Теории Риторической Структуры (далее ТРС)⁷, таких отношений, которые в этой теории называются риторическими, выделяется от двух до шести десятков в зависимости от модуса дискурса (устного или письменного) и от степени детальности анализа. В данной работе будет использоваться расширенный по сравнению со стандартной Теорией риторической структуры список риторических отношений (РО), разработанный А. О. Литвиненко, В. И. Подлесской и А. А. Кибриком⁸.

Итак, с точки зрения их вклада в семантическую структуру дискурса союзы и прочие коннекторы могут рассматриваться как маркеры РО, а семантико-синтаксическая классификация союзов в грамматиках – как имплицитно содержащая инвентарь семантических отношений, подобных РО в ТРС. Не случайно термины, при помощи которых обозначаются в грамматиках категории союзов, как правило, отсылают к названиям смысловых отношений между высказываниями в дискурсе и наоборот, смысловые отношения между высказываниями обозначаются при помощи союзов. Так, союз *как* в (1'), выражающий отношение сравнения, относится к «сравнительным» союзам, а союз *но*, выражающий отношение противопоставления – к «противительным»; РО Альтернативы обозначается в ТРС как *Otherwise*, а отношение отрицательного условия как *Unless*.

Принятая в русской грамматической традиции классификация союзов опирается как на синтаксические, так и на семантические критерии. Так, все союзы делятся на сочинительные и подчинительные по типу синтаксического отношения между соединяемыми предложениями – сочинение vs. подчинение, который устанавливается при помощи набора синтаксических критериев⁹. Это противопоставление на множестве союзов в основном соответствует противопоставлению симметричных и асимметричных РО в ТРС, хотя и не полностью изоморфно ему. Противопоставление симметричных и асимметричных РО связано с понятием ранга ДЕ. В ТРС различаются 2 ранга ДЕ – ранг ядра, приписываемый более важным компонентам в семантической структуре текста, и ранг сателлита, присваиваемый компонентам, занимающим в ней подчиненное положение. Симметричные РО связывают ядерные ДЕ, тогда как асимметричные связывают ядро и сателлит. Сочинительные союзы в норме оформляют симметричные РО, хотя встречаются случаи, когда при помощи такого союза к ядру присоединяется сателлит (ниже мы продемонстрируем это на примере союза *и*). Подчинительные союзы, как правило, присоединяют к ядру сателлит и тем самым выражают асимметричные РО. Но, например, составной союз *так что*, вводящий придаточное следствие, рассматривается в русской грамматике как подчинительный, хотя выражаемое им РО следования (*Consequence*) связывает между собой ядерные ДЕ.

⁷ W.C. Mann – S.A. Thompson, *Rhetorical Structure Theory: Toward a functional theory of text organization*, "Text", VIII, 1988, 3, pp. 243-281.

⁸ *Рассказы о нововидениях*, А.А. Кибрик – В.И. Подлесская ред., сс. 438-440.

⁹ См. их обсуждение в Я.Г. Тестелец, *Введение в обций синтаксис*, РГГУ, Москва 2001, сс.255-65.

Сочинительные союзы, уже на чисто семантических основаниях, традиционно делятся на соединительные (*и, да, I, ни...ни* и др.), разделительные (*или, либо* и др.) и противительные (*а, но* и др.). В. З. Санников в своей монографии о семантике русских соединительных союзов¹⁰, обратил внимание на то, что данные классы выделены не на одном основании. Сравнивая по значению во всем остальном тождественные предложения с соединительным союзом *и*, разделительным *или*, а также союзными конструкциями *не ... а* и *а не*:

- (2) а. Плачет (X) *и* поет (Y)
 б. Плачет (X) *или* поет (Y)
 в. *Не* плачет (X), *а* поет (Y) = Поет (Y), *а не* плачет (X)

он приходит к выводу, что их семантическое противопоставление основано на *отношении конъюнктов к действительности*: в терминах «реальность / нереальность / возможность». Так, в (2а) оба конъюнкта подаются как реальные – ‘X имеет место, Y имеет место’, в (2в) один конъюнкт реален, другой нереален – ‘Y имеет место, X не имеет места’, в (2б) оба конъюнкта возможны – ‘X возможно, Y возможно’. Если взять теперь соответствующие предложения с противительными союзами *но* и *а*:

- (3) а. Плачет (X), *но* поет (Y)
 б. Плачет (X), *а* поет (Y)

то станет ясно, что противительные союзы выделены по другому основанию: *наличие / отсутствие противопоставления X и Y*. Результатом этого анализа явилась более обоснованная, логически выверенная классификация русских сочинительных союзов:

- (4) 1) Соединительные союзы: *и, да, а, но* и др. – ‘X имеет место, Y имеет место’¹¹
 1а) Собственно соединительные союзы: *и, а также* – X и Y не противопоставлены;
 1б) Противительные союзы: *а, но* – X и Y противопоставлены;
 2) Разделительные союзы: *или, либо, не то... не то, то...то*, и др. – ‘X возможно, Y возможно’
 3) Заместительные союзы: *не... а (а не), добро бы... а то* – ‘X / Y не имеет места’ (одно событие «замещает» другое, ср. предлог *вместо*).

Названия классов, как уже говорилось, отражают те семантические отношения, которые выражаются союзами данного класса, но только в их прототипических употреблениях. Указанным трем классам союзов в этом смысле должны были бы

¹⁰ В.З. Санников, *Русские сочинительные конструкции: Семантика. Прагматика. Синтаксис*, Наука, Москва 1989, 267с.

¹¹ В.З. Санников отметил, что на данный общий логический признак союзов, традиционно относимых к разным классам, указал Ю. И. Левин, см. Ю. И. Левин, *Об одной группе союзов русского языка*, “Машинный перевод и прикладная лингвистика”, XIII, 1970, сс. 64-88.

соответствовать РО Конъюнкция, Дизъюнкция и Противопоставление. Однако на деле разные союзы одного и того же класса могут выражать разные РО. Так, противительный союз *но* выражает Противопоставление (напр., *Утром было холодно, но к полудню воздух прогрелся*), а противительный же союз *а* употребляется не только при оформлении РО Противопоставления (напр., *Он был совсем еще юным, а судил обо всем как умудренный опытом старик*), но и РО Сопоставления (напр., *Мама гладила бельё, а Петя читал ей вслух понравившуюся ему статью из газеты*). Этот пример демонстрирует хорошо известную и отражаемую во всех толковых словарях многозначность большинства союзов. Если же подойти к этому явлению с позиций анализа семантической структуры дискурса, то можно сказать, что каждый союз обладает своим «риторическим потенциалом», то есть составом РО, которые он способен выражать¹². Как иллокутивный потенциал лексико-синтаксической структуры простого предложения при употреблении его в дискурсе актуализуется в виде одной определенной иллокутивной функции соответствующего высказывания, так и риторический потенциал союза (как и любого коннектора) в конкретном его употреблении актуализуется в виде одного конкретного РО из набора в принципе возможных. Обратимся теперь к основному соединительному союзу *и*, чтобы установить, каков его риторический потенциал в современном русском языке.

В «Русской грамматике»¹³ данный союз характеризуется как соединительный, и тем самым в качестве главного компонента в его семантике признается 'соединительное значение'. В работах по логическому анализу языка это значение отождествляется с семантикой логической связки «конъюнкция» (&). Вместе с тем в грамматике указывается, что *и* – союз «недифференцированного значения», т.е. неоднозначный. Он может быть носителем целого ряда «частных» значений, в которых к «соединительному» компоненту, как бы наслаиваясь на него, добавляются другие (ср. характерные названия таких значений: соединительно-результативное, соединительно-противительное и т.п.). Такие значения формируются у союзов недифференцированного значения под влиянием целого ряда контекстуальных (лингвистических и экстралингвистических) факторов. К таковым относятся: 1) лексемы и фраземы, уточняющие значение союзных средств; 2) порядок следования соединяемых частей; 3) координативное употребление времен, видов и наклонений, которое уточняет характер отношения между ситуациями, обозначаемыми при помощи соединяемых клауз, 4) интонация (в устном дискурсе) или пунктуация (в письменном); 5) фоновые представления коммуникантов о возможных связях между упоминаемыми конкретными ситуациями или ситуациями такого типа.

¹² См. И. Козолева, *Параметры варьирования показателей межфразовых семантических связей в русском тексте*, "L'Analisi Linguistica e Letteraria", XVIII, 2010, pp. 107-122.

¹³ *Русская грамматика*, Н.Ю. Шведова и др. ред., Наука, Москва 1980. В двух томах.

2. *РО, выражаемые союзом И в предложениях с «собственно соединительным значением»*

Прежде чем рассматривать семантику союза *и* с позиций дискурсивного анализа, надо разобраться с тем, что имеется в виду под «собственно соединительным значением». Согласно «Русской грамматике», это есть «нейтральная ассоциация, соединение в чистом виде»¹⁴, что, видимо, надо понимать именно как логическую конъюнкцию: 'X имеет место, Y имеет место'. Однако тут же отмечается, что при собственно соединительном *и* ситуации-конъюнкты «представляются как в том или ином отношении **сходные**»¹⁵. О каком же сходстве идет речь? Прямого ответа на этот вопрос грамматика не дает, но отмечает тот факт, что в сложных предложениях с соединительным *и*, как правило, присутствуют и другие средства, которые, взаимодействуя с соединительным значением, сигнализируют об отношениях «общности, сходства, соответствия, согласованности, синхронности». Эти средства – «единство коммуникативного задания, модально-временная одноплановость частей, близость соотносимых информации» (Там же). Но в чем заключается эта «близость»? Для ответа на данный вопрос решим следующую лингвистическую задачу¹⁶:

«Для того, чтобы два предложения могли быть связаны союзом *и* в одно сложносочиненное предложение, они должны удовлетворять некоторым условиям. Ниже приведены сложносочиненные предложения, причем звездочками помечены те из них, при образовании которых было нарушено одно из таких условий. Всего таких условий – три.

1. Робин изучает русский язык, и Джордж собирается в Россию.
2. *Робин изучает русский язык, и у нашей кошки родилось трое котят.
3. Женя отдыхает в Крыму, и Оли нет сейчас в Москве.
4. *Оли нет сейчас в Москве, и в нашем доме пять этажей.
5. Языкознание – гуманитарная наука, и история – гуманитарная наука.
6. *Языкознание – гуманитарная наука, и лингвистика – гуманитарная наука.
7. У Дон-Кихота был Санчо Панса, и Дон-Жуан имел верного слугу.
8. *Дон-Кихот был неразлучен с Санчо Пансой, и рыцарь печального образа не расставался со своим слугой.
9. *Робин живет в Нью-Йорке, и он никогда не бывал в Америке.
10. *Он пишет очень разборчиво, и его почерк может понять только его личный секретарь.

¹⁴ *Ibid.*, Т. 2, § 3112, с. 617.

¹⁵ *Ibidem.*

¹⁶ И.М. Кобозева – Н.И. Лауфер, *Задача 205 в Задачи лингвистических олимпиад 1965-1975*, Издательство МЦНМО, Москва 2007, с. 123.

Задание 1. Сформулируйте все три условия и укажите, какое из них нарушено в каждом примере.

Задание 2. Предложение 2 не является абсолютно неприемлемым. Существуют ситуации, когда оно будет правильным. Опишите такие ситуации для примера 2 и для всех тех, которые образованы с нарушением того же условия (хотя бы по одной ситуации для каждого примера).»

Приведем решение этой задачи в той его части, которая относится к интересующему нас вопросу о том, в чем состоит «сходство» ситуаций-конъюнктов, или «близость соотносимых информаций» при соединительном *и*:

«Решение задачи №205

Задание 1. Для того, чтобы два предложения могли быть соединены в одно сложносочиненное союзом *и*, должны выполняться три условия:

1 Соединяемые предложения должны быть связаны по смыслу – раскрывать некоторую общую тему. Так, в примере 1 общей темой является «интерес к России», в примере 3 общая тема – «отсутствие в Москве», в примере 5 такой темой является «гуманитарные науки», в 7 – «наличие верного слуги». Данное условие нарушено в примерах 2 и 4.

2 Смыслы соединяемых предложений не должны полностью совпадать. Это условие нарушено в примерах 6 и 8.

3 Смыслы соединяемых предложений не должны противоречить друг другу. Это условие нарушено в примерах 9 и 10.

Задание 2. Выполняя задание 1, мы устанавливаем, что неправильность, странность предложения 2 вызвана нарушением условия связи с общей темой. Но более правильно будет сказать, что общая тема у соединяемых в примере 2 предложений менее очевидна, чем в 1, где эта тема легко выводится из значения выражений *изучать русский язык и собираться в Россию*. Однако часто общая тема не проявляется в значениях слов, составляющих предложения, а может быть выведена из условий их употребления. Так, если представить себе, что предложение 2 употреблено, например, младшим братом Робина в разговоре со своими друзьями, то может быть восстановлена общая тема «домашние новости». Чтобы простые предложения в составе сложного предложения 4 оказались связанными общей темой, а само предложение превратилось из странного в нормальное, достаточно рассмотреть его как ответную реплику в таком, например, диалоге:

- *Ну какие у тебя могут быть причины для недовольства?*
- *Они нет сейчас в Москве, и в нашем доме пять этажей.*

Автором такого ответа вполне может быть человек, приехавший в Москву для встречи с Олей и поселившийся в пятиэтажном доме, который ему очень не нравится. Общая тема – «Обстоятельства, вызывающие недовольство говорящего»....».

Итак, в случае единства иллокутивной функции высказывания, модально-временной одноплановости частей и наличия пересечения в пропозициональных содержаниях конъюнктов, союз *и* лишь акцентирует внимание на общности соединяемых смыслов, отнесенности их к одной теме, которую они развивают, «проводя через разное»¹⁷. Если два первых условия (иллокутивное и модально-временное) сохраняются, а очевидного пересечения между пропозициональными содержаниями конъюнктов нет, то союз *и* самим своим присутствием «удостоверяет» наличие общей части у соединяемых смыслов, которая обычно состоит в их отнесенности к одной теме, заданной в предтексте или вычислимой из коммуникативной ситуации.

К аналогичным выводам приходит Т. ван Дейк¹⁸ (1978) в отношении союза *and* в английском языке. Он ставит вопрос так: чем последовательность двух предложений (*A B*) отличается от сложносочинного предложения (*A and B*)? Сопоставляя примеры (5) (в оригинале – 31) и (6) (в оригинале – 34):

- (5) We were in New York. We visited uncle Tobias.
 (6) We were in New York and (we) visited uncle Tobias.

ван Дейк отмечает, что условия истинности (5) и (6) совпадают. Но (6) требует, чтобы конъюнкты *соотносились* друг с другом. Это понятие соотносимости (*relevance*), или соединимости (*connectedness*), по его мнению, должно определяться в терминах событий, описываемых конъюнктами. В общем виде это отношение может быть описано как отношение обусловленности (*conditionality*). При этом он выделяет два вида обусловленности, отражаемой союзом *and*:

- 1) отношение *слабой обусловленности* (в отличие от сильной, выражаемой причинными союзами), когда факт $V(A)$, описываемый утверждением *A*, представляет собой условие для $V(B)$, т.е. если утверждение *B* истинно в некоторых (большинстве, всех) возможных мирах, «задаваемых» *A*. «Мы навестили дядю Тобиаса» истинно только в тех мирах, которые заданы утверждением «Мы были в Нью-Йорке». Это то значение союза *and*, которое соответствует одному из несобственно соединительных значений союза *и*, представленному в «Русской грамматике» как соединительное, осложненное значением обусловленности¹⁹.
- 2) отношение *косвенной связи*: когда *A* и *B* не связаны между собой, но связаны с одним и тем же фрагментом предтекста, напр., когда (5) или (6) выступает после вопроса (7) (в оригинале – 32):

¹⁷ «Проведение через разное» – один из приемов выразительности в художественном тексте, выделяемый в А.К. Жолковский – Ю.К. Щеглов, *Работы по поэтике выразительности*, Издательская группа «Прогресс», Москва 1996, 344 с. В нашем случае этот «прием» применяется на микроуровне — уровне предложения.

¹⁸ Т.А. ван Дейк, *Вопросы прагматики текста*, в *Лингвистика текста*, Прогресс, Москва 1978 (Новое в зарубежной лингвистике VIII), сс. 259-336.

¹⁹ *Русская грамматика*, 1980, Т. II, § 3116, с. 618.

(7) *What did you do this summer?*

Тогда у *A* и *B* устанавливается связь с пресуппозицией вопроса «Мы что-то делали этим летом», которая задает возможный мир (время действия), в котором они могут выполняться.

Итак, *A and B* выражает соотнесенность фактов, сообщаемых при помощи *A* и *B*. Это, как правило, один речевой акт сообщения о соотнесенных событиях.

Последовательность двух отдельных предложений (*A. B.*), по ван Дейку, уместна в случаях, когда *A* и *B* – два отдельных речевых акта, напр., (5) уместно в ситуации, когда говорящий после произнесения *A* (*We were in New York*) добавляет уточнения или объяснения. Она уместна также в случаях, когда при переходе от *A* к *B* происходит *перемена перспективы или места действия*, ср. (8) (в оригинале – 40):

(8) *We safely arrived in New York.* (Внимание сосредоточено на прибытии в Нью-Йорк.). *The next day we visited uncle Tobias.* (Внимание на действиях, предпринятых в Нью-Йорке на следующий день.)

Выводы ван Дейка справедливы и в отношении контраста последовательностей вида (*A. B.*) и (*A и B.*) в русском языке.

Учитывая сказанное о собственно соединительном значении союза *и*, легко видеть, что в ТРС ему соответствует симметричное отношение Конъюнкции (Conjunction). Определяется это отношение так: конъюнкты соединяются, образуя единство, в котором каждый из них выполняет одну и ту же роль; Читатель осознает, что конъюнкты соединены²⁰.

Может ли собственно соединительное значение союза *и* соответствовать какому-либо другому РО?

Да, может. Рассмотрим предложение (9):

(9) Он живет в Петербурге, и его дом окнами выходит на Невский проспект.

Заметим, что конъюнкты в (9) нельзя поменять местами без потери семантической правильности, ср. (9¹):

(9¹) ^{??}Его дом окнами выходит на Невский проспект, и он живет в Петербурге.

Причиной аномальности (9¹) является полная избыточность второго конъюнкта при наличии первого. В (9) же второй конъюнкт не избыточен: он уточняет, детализирует информацию первого конъюнкта. В ТРС в таких случаях устанавливается асимметричное РО Уточнения (Elaboration), связывающее ядерную ДЕ с ее сателлитом, сообщаемым дополнительную информацию о каком-либо аспекте ядерной ситуации. Интерпретация второго конъюнкта как уточняющего основана на объек-

²⁰ Здесь и далее приводятся определения РО, размещенные на посвященном ТРС сайте www.sfu.ca/rst/.

тивных соотношениях между содержаниями соединяемых частей. Это могут быть отношения «множество – его элемент», «целое – его часть», «изделие – материал» и т.п. отношения между фреймом и его слотами.

Теперь рассмотрим одну из ДЕ абзаца (1'), воспроизводимую ниже как (10):

(10) Но проходит немного времени, и ... «как хороши, как свежи были розы».

Она содержит ЭДЕ с темпоральным значением – *проходит немного времени*, которая в плане семантики дискурса не равноправна второй, по сути событийной, ЭДЕ ('цветы увядают'). Темпоральная ЭДЕ служит только для соотнесения по времени ситуации, описываемой во второй ЭДЕ, с ситуацией, представленной в предшествующем предложении (*Мы ... радуемся удачно составленному букету*). Тем самым первая ЭДЕ в (10) – это сателлит, связанный со второй ЭДЕ при помощи асимметричного РО Обстоятельство (Circumstance)²¹. Семантическая структура абзаца (1') никак не изменится, если мы заменим синтаксически равноправный событийному темпоральный конъюнкт в (10) на синтаксически подчиненную обстоятельственную группу, как в (10')

(10') Но по прошествии некоторого времени ... «как хороши, как свежи были розы».

Однако не следует думать, что всякий конъюнкт с темпоральной семантикой будет связан с событийным конъюнктом при помощи РО Обстоятельство. Рассмотрим пример (11)²²:

(11) Ко мне, как мне помнится, пришел Эдуард Багрицкий, и был полуморозный день с розовыми окнами.

Заметим, что вне контекста он воспринимается как довольно странный, хотя и не до такой степени, как аномальные примеры из задачи. Учитывая, что во втором конъюнкте сообщается информация о периоде времени, в рамках которого происходит событие, представленное в первом, можно было бы предположить, что в (11), как и в (10), мы имеем РО Обстоятельство, связывающее вторую ЭДЕ как сателлит с первой ЭДЕ как ядром. В качестве аргумента в пользу того, что в (11) представлено все-таки симметричное РО Конъюнкции, можно было бы сослаться на «обратимость» его частей, т.е. возможность поменять соединяемые предложения местами с сохранением пропозиционального содержания целого, ср. (11')

²¹ РО Circumstance в ТРС характеризуется так: сателлит вводит описываемое положение дел в рамки, в которых адресат должен интерпретировать ядро. Ограничения на члены отношения: оба члена относятся к одной и той же ситуации, причем сателлит не может быть нереализованным.

²² Пример иллюстрирует собственно соединительное значение союза *и* в *Русская грамматика*, 1980, Том II, с. 617.

- (11') Был полуморозный день с розовыми окнами, и ко мне, как мне помнится, пришел Эдуард Багрицкий²³.

Но этот аргумент не может сам по себе опровергнуть предположения о том, что в (11) представлено РО Обстоятельство, поскольку ядро и спутник последнего, как и при Конъюнкции, могут меняться местами, не влияя на пропозициональное содержание целого, ср. (12):

- (12) Когда Иван поступил в университет, Петру было пять лет. = Когда Петру было пять лет, Иван поступил в университет.

Однако обращение к контексту предложения (11) не оставляет никаких сомнений в том, что вторая ЭДЕ, несмотря на ее темпоральную семантику, – это не обстоятельственный спутник первой ЭДЕ, а равноправное ядро, связанное с первым ядром Конъюнкцией. Тот короткий текст (записка) из книги «Ни дня без строчки» Ю. Олеси, из которого был вырван пример (11), содержит сохранившиеся в памяти писателя яркие впечатления о дне смерти его сестры. В центре повествования – события, происходившие в доме автора с сестрой и вокруг нее незадолго до и сразу после ее смерти. В этой, основной, части нарратива события упорядочиваются друг относительно друга при помощи темпоральной лексики: *перед, еще раньше, когда, через секунду, потом*. Предложение (11) входит в небольшой заключительный фрагмент из трех ЭДЕ, относящийся к периоду сразу после выноса тела сестры, когда автор вынужден был оставаться дома. Он содержит сообщения, объединяемые темой «Что я помню еще об этом дне». Тем самым, конъюнкты образуют то самое «единство, в котором каждый из них выполняет одну и ту же роль», и значит, перед нами именно РО Конъюнкция.

Рассмотрим еще один грамматический пример²⁴ на собственно-соединительное значение *и*, кстати, принадлежащий перу того же писателя:

- (13) Мне было одиннадцать лет, и я сидел в цирке на чемпионате французской борьбы.

Здесь снова одна из ЭДЕ, в данном случае первая, сообщает о периоде времени, в который имела место ситуация, описанная во второй ЭДЕ. Обращение к контексту показало, что (13) – это начальная ДЕ еще одной записки из «Ни дня без строчки». В данной записке автор вспоминает о первом своем контакте с властями в лице полицейского и чувствах, вызванных в нем этим контактом. Отношения между двумя ЭДЕ в (13), в принципе, могло бы быть оформлено как обстоятельственное, ср. (13')

²³ Заметим, что в случае (11) перестановка частей дает не вполне адекватный результат: вводный оборот *как мне помнится* естественнее было бы употребить в первой ЭДЕ (11').

²⁴ *Ibid.*, с. 617.

- (13') Когда мне было одиннадцать лет, я сидел в цирке на чемпионате французской борьбы.

Это было бы естественно, если бы далее речь шла о перипетиях чемпионата. Но это не так. Цирк, где проходит чемпионат, выступает в записке только как место центрального события – контакта автора с полицейским, который грубо с ним обошелся. Именно поэтому ЭДЕ со значением времени и ЭДЕ со значением места соединяются союзом *и*, сигнализирующим об одинаковости их ролей по отношению к остальной части текста: обе ЭДЕ – обстоятельственные. Тем самым здесь собственно соединительное *и* снова соответствует Конъюнкции.

Итак, мы установили, что в так называемом собственно соединительном значении союз *и* может выражать не только РО Конъюнкция, но и РО Уточнение и РО Обстоятельство.

Союз *и* выражает РО Конъюнкции между ЭДЕ А и Б, когда А и Б дискурсивно равноценны и находятся в отношении косвенной обусловленности, то есть связаны между собой как варианты воплощения общей темы.

Интерпретации союза *и* как маркера РО Уточнение или РО Обстоятельство способствует пропозициональная семантика конъюнктов и порядок их следования. Так, при РО Уточнение в значение второго конъюнкта должен входить компонент, находящийся с каким-либо компонентом значения первого конъюнкта в одном из нескольких отношений: элемента к множеству, экземпляра к типу, части к целому, этапа к процессу, атрибута к объекту, конкретного к абстрактному. А интерпретации союза *и* как маркера РО Обстоятельство способствует темпоральное или локативное содержание одного из конъюнктов при событийном содержании другого, а также предшествование обстоятельственного конъюнкта событийному²⁵. Однако, как показал пример (11), эти условия – не достаточные. (Не являются они и необходимыми, как будет показано ниже на примере (14а)). В спорном случае только анализ «внешних» смысловых связей предложения в рамках целостного фрагмента дискурса может обеспечить надежные основания для выбора правильной интерпретации РО, выражаемого союзом.

3. РО, выражаемые союзом *И* в предложениях с «несобственно соединительными значениями»

Перейдем к так называемым несобственно соединительным значениям *и*, которые диагностируются методом субституции союза *и* тем или иным подчинительным или противительным союзом. Кроме того, после союза *и* в таких случаях может

²⁵ Для устного дискурса было установлено, что в норме темпоральный сателлит при РО Обстоятельство расположен перед ядром (в препозиции), а только если это РО выражено однозначным маркером темпорального отношения — *когда, пока* и т.п., оно может появиться в постпозиции, см. *Рассказы о свидениях*, А.А. Кибрик – В.И. Подлесская ред., сс. 527-529. Ясно, что союз и не является однозначным маркером темпорального отношения.

быть употреблен так называемый «лексический конкретизатор» – союз или другое служебное слово, которое в таких случаях становится основным показателем семантического отношения между «конъюнктами», ср. *и поэтому, и потом, и в результате* и т.п.

В *Русской грамматике* выделяется три типа предложений с несобственно соединительными значениями *и*, то есть с тем или иным «осложнением» соединительного значения, инвариантно выражаемого союзом *и*: 1) предложения «с позитивной квалификацией связи», 2) предложения «с негативной квалификацией связи»; 3) предложения присоединительно-комментирующие.

3.1. РО, выражаемые союзом И в предложениях «с позитивной квалификацией связи».

В предложениях этого типа соединительное значение союза *и* «осложняется» семантическим компонентом 'согласно ожидаемому' или 'не вопреки ожидаемому'²⁶. Перестановка конъюнктов в таких случаях невозможна или меняет пропозициональное содержание целого.

Именно в рамках данного типа *Русская грамматика* выделяет значение *соединения одновременных ситуаций*, следующих одна за другой, но *без обусловленности* второй ситуации со стороны первой. Очевидно, что это значение соответствует симметричному РО Последовательности (Sequence), определяемому так: 1) между ситуациями в ядрах *A* и *B* имеется отношение временного следования; 2) интенция адресанта: адресат осознает, в какой последовательности имели место эти ситуации. Однако приводимые в литературе типовые примеры на такое значение *и* не всегда соответствуют отношению чисто временного следования, ср.:

- (14) а. Ему отвели квартиру, и он поселился в крепости²⁷.
 б. Дождь кончился, выглянуло солнце и вновь запели птицы²⁸.

Строго говоря, ситуации во вторых ЭДЕ в (14) не независимы от ситуаций, описанных в первых ЭДЕ: мы понимаем, что если бы «ему» не отвели квартиру в крепости, то «он» мог бы жить в другом месте; мы знаем, что обычно, когда идет дождь, на небе не видно солнца и не поют птицы. То есть, в (14) представлено то, что ван Дейк называл слабой обусловленностью, когда одно положение дел создает условия для наступления другого. Отношение временного следования ситуаций в первом и втором конъюнктах (РО Последовательности) в таких случаях выводится из экстралингвистических знаний и представлений об обычном ходе событий. Е. В. Урысон характеризует такую связь как «соответствие обиходной энциклопедии»²⁹.

²⁶ *Русская грамматика*, 1980, Том II, с. 618.

²⁷ *Ibid.*, с. 617.

²⁸ В.В. Морковкин и др. *Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова*, Издательство Астрель, Москва 2003, с. 132.

²⁹ Е.В. Урысон, *Опыт описания семантики союзов: Лингвистические данные о деятельности сознания*,

В отличие от этого в примерах (15):

- (15) а. Петя подмел пол и вымыл посуду.
б. Вдали прогремел выстрел, и кто-то постучал в окно.

и им подобных в знаниях о мире между ситуациями, описанными в конъюнктах, нет даже слабой обусловленности. Если не сказано иное, то мы интерпретируем вторую из упомянутых ситуаций как следовавшую за первой во времени и только. Обычно значение временной последовательности связывают с формой совершенно вида (СВ) глаголов, сигнализирующей о завершенности события (до или после момента речи) – *подмел*, *вымыл*, – и фактом следования одной глагольной формы за другой. Действительно, если бы глаголы имели форму НСВ, то и понималось бы как маркер Конъюнкции, см. (15') и (16):

- (15') Петя *подметал* (НСВ) пол и *мыл* (НСВ) посуду.
'В некоторый период жизни Пети неоднократно имели место ситуации: Петя подметает пол, Петя моет посуду (порядок их следования не релевантен).'

- (16) а. Сюда со всех концов города *сходились* (НСВ) люди и *свезжались* (НСВ) машины.
б. Летом часто так бывает: *льет* (НСВ) дождь, и сквозь тучи *светит* (НСВ) солнце³⁰.

Однако сама по себе сочинительная конструкция с глаголами СВ не несет информации о временном следовании, о чем свидетельствует возможность продолжить (15) при помощи (17):

- (17) Посудой он занимался сначала, а за пол взялся потом.

Мы интерпретируем ДЕ типа (15) как содержащие РО Последовательности, неосознанно руководствуясь принципами прагматики (в их варианте для адресата): понимай адресанта так, как если бы он соблюдал правило: «Будь последователен». Если адресант явно не отрицает того, что он соблюдает это правило, адресат понимает его высказывание вида *А и Б* как иконически отражающее последовательность событий *А* и *Б*.

Конкретизаторами РО Последовательности могут выступать соответствующие наречия времени и обстоятельственные группы с анафорическими местоимениями: *потом, затем, после этого, сразу* и т.п., ср. (15) и (18):

Языки славянских культур, Москва 2011, с. 282.

³⁰ Оба примера из Морковкин и др. *Объяснительный словарь*, с. 132.

- (18) а. Петя подмел пол и *затем* вымыл посуду.
 б. Вдали прогремел выстрел, и *вслед за этим* кто-то постучал в окно.

Итак, союз *и* (без «конкретизаторов») выражает РО Последовательности между ДЕ *А* и *Б* только в случае (представленном примерами в (15)), когда ситуации *А* и *Б* дискурсивно равноценны, независимы друг от друга в «обиходной энциклопедии», причем глаголы в *А* и *Б* имеют форму СВ, и дальнейший текст не содержит эксплицитного утверждения об обратном порядке следования ситуаций *А* и *Б*.

Вернемся к примерам в (14), конъюнкты в которых связаны отношением слабей обусловленности. Прежде всего, обратим внимание на то, что конкретизаторы, типичные при РО Последовательности, как правило, неуместны в случае обусловленности конъюнктов, ср. (14а) и (19), полученное путем подстановки «конкретизатора»:

- (19) 'Ему отвели квартиру, и *после этого* он поселился в крепости.

Высказывание (19) при полной грамматической правильности ощущается как несколько странное. Причину этого ощущения, с одной стороны, можно усмотреть в том, что обе ЭДЕ в (19) благодаря именно «конкретизаторам последовательности» представлены как следующие одно за другим равновеликие события основной линии повествования, тогда как в дискурсе, героем которой является «он», эти ЭДЕ обладают разной значимостью: первая ЭДЕ – это сателлит, информирующий об обстоятельстве, при котором произошло событие с героем, описываемое во второй ЭДЕ (ядре). Смысл (14а) более адекватно, чем (19), передает (20):

- (20) Когда ему отвели квартиру, он поселился в крепости.

Еще одно объяснение странности (19) – это избыточность лексического выражения последовательности событий во времени в условиях, когда второй конъюнкт соответствует «обиходной энциклопедии». Тем самым в (14а) союз *и* представляет не симметричное РО Последовательности, а асимметричное РО Обстоятельства. При этом, в отличие от (10), в (14а) обстоятельственный конъюнкт имеет не темпоральное или локативное, а событийное пропозициональное содержание. Именно поэтому мы говорили выше, что темпоральное или локативное содержание одного из конъюнктов не является необходимым условием для установления РО Обстоятельства между конъюнктами.

Почему же в высказываниях (14) было не замечено отношение обусловленности? Чем оно отличается от высказываний типа (21)-(24):

- (21) Петя оттолкнул Васю, и тот упал.
 (22) Становилось жарко, и я поспешил домой³¹.

³¹ Примеры (22)-(23) – из *Русская грамматика*, Том II, с. 618.

- (23) Зима была снежная, и все ждали большого половодья.
 (24) Окно высоко, и нам туда не забраться.

о которых говорится, что их конъюнкты сообщают «об очередности ситуаций, осложненной отношением обусловленности, обычно недифференцированным: причинно-следственным, условно-следственным, условно-временным, результативно-следственным»?³² По-видимому, тем, что в (21)-(24) более естественно вводятся «конкретизаторы» каузальных связей – *поэтому, потому* и т.п., ср. (25) и (26):

- (25) ³Ему отвели квартиру, *и поэтому* он поселился в крепости.
 (26) Становилось жарко, *и поэтому* я поспешил домой.

Однако фактором, определяющим уместность таких «каузальных конкретизаторов», на наш взгляд, является не сила обусловленности Б со стороны А в высказывании формы А и Б, а степень уместности фокусирования внимания на каузальном характере отношения: чем естественнее, по мнению говорящего, ожидать Б при наличии А, тем меньше потребность лексически «подчеркивать» обусловленность Б наличием А. Однако это предположение требует проверки на корпусном материале.

Рассмотрим, какие РО могут быть представлены в высказываниях с союзом *и*, части которых связаны отношениями обусловленности.

Это, прежде всего, симметричное каузальное РО Следования (Consequence)³³. Так, в (21) первая ЭДЕ сообщает о ситуации, вызвавшей ситуацию, описанную во второй ЭДЕ. Так как по своему содержанию обе ЭДЕ, скорее всего, равно существенны для сюжетной линии дискурса, которому они могли бы принадлежать, то данное отношение следует признать симметричным. Напротив, в (22) первая ЭДЕ носит явно вспомогательный характер, и по сути то же самое каузальное отношение уже соответствует асимметричному РО Волевой причины (Volitional cause), которое в ТРС устанавливается при следующих условиях: 1) ситуация в ДЕ-сателлите S могла вызвать в агенсе ядерной ДЕ N намерение совершить описываемое в N действие; 2) без упоминания S, адресат мог счесть действие агенса немотивированным или не знать мотивов его действия; 3) N более существенно, чем S, для цели, с которой адресант употребил сочетание N-S; 4) интенция адресанта: адресат осознает, что N могло вызвать ситуацию в S. Аналогичным образом в (23) представлено асимметричное каузальное отношение, но, в отличие от (22), ядерная ЭДЕ описывает ситуацию, не контролируемую со стороны ее субъекта, что соответствует РО Неволитивной причины (Non-volitional cause). Заметим, что при асимметричных каузальных отношениях сателлит со значением причины в предложениях с союзом *и* всегда предшествует ядру, что объясняется действием прагматического принципа легкости обработки: если в предложении нет коннектора, однозначно маркирующего причинный или следственный конъюнкт (а союз *и* таковым не является), тогда

³² *Ibid.*, с. 618.

³³ См. репертуар РО в *Рассказы о свидениях*, А.А. Кибрик – В.И. Подлесская ред., сс. 438-440.

порядок следования конъюнктов должен иконически отражать порядок событий, а событие-причина всегда предшествует событию-следствию.

В (24) представлено уже не фактическое (*matter-of-fact*), а презентационное (*presentational*) каузальное отношение – РО Свидетельства (*Evidence*), определяемое так: 1) адресат мог бы не поверить в истинность ядерной ДЕ N в достаточной для адресанта степени; 2) адресат верит в истинность ДЕ-сателлита S или сочтет его правдоподобным; 3) осознание S усиливает его веру в истинность N; 4) интенция адресанта: вера адресата в истинность N усиливается.

Конкретизаторами всех четырех рассмотренных РО с семантикой обусловленности без ограничений могут выступать местоименные наречия: *поэтому, потому*. Другие конкретизаторы, квазисинонимичные им, избирательны, ср. (26) и (27):

(27) *Становилось жарко, и в результате я поспешил домой.

Семантические ограничения на лексические конкретизаторы отношений обусловленности пока полностью не описаны и ждут своего исследования.

Интересно, что среди предложений с союзом *и*, приведенных в *Русской грамматике* и *Объяснительном словаре*, равно как и в работах о семантике союза *и*, нам не встретилось ни одного примера, когда между конъюнктами устанавливались бы РО Волитивного и Неволитивного результата, обратные к РО Волитивной и Неволитивной причины. То есть не встретилось предложения, в котором конъюнкт, описывающий причину, мог бы быть ядром, а конъюнкт, описывающий следствие или результат, – сателлитом. Получается, что при отношениях обусловленности между конъюнктами, второй конъюнкт обычно важнее первого³⁴. Однако полностью исключить возможность выражения результативных РО при помощи союза *и* нельзя. Так, повествуя о поведении некоторого лица, мы могли бы употребить ДЕ (28):

(28) Уходя, он с силой хлопнул дверью, и с потолка посыпалась штукатурка.

В (28) первый, причинный, конъюнкт будет важнее для нарратива, чем второй, результативный. В таком случае второй конъюнкт будет сателлитом, связанным с ядром при помощи РО Неволитивного результата (неволитивного, поскольку сателлит-результат сообщает не о намеренном, контролируемом действии, а о происшествии). Существует особая разновидность РО Неволитивного результата – РО Эмоциональной реакции (*Emotional Reaction*)³⁵, см. примеры в (29):

(29) а. Вдруг меня кто-то схватил за плечо, и я испугался.
б. Он меня подстриг, этот вафля-парикмахер, и я до сих пор помню, как холодно голове после стрижки³⁶.

³⁴ Вывод о большей важности второго конъюкта при союзе но был сделан в В.З. Санников, *Русские сочинительные конструкции*.

³⁵ См. о нем в *Рассказы о свидениях*, А.А. Кибрик – В.И. Подлесская ред., с. 436, откуда взят и пример (29а).

³⁶ Пример из *Русская грамматика*, Том II, с. 619, где он приводится по другому поводу.

Еще одно риторическое отношение с семантикой обусловленности, реализуемое в предложениях с союзом *и* – это асимметричное РО Условия (CONDITION), определяемое так: 1) ДЕ-сателлит S представляет нереализованную (в данном ситуативном контексте) ситуацию – гипотетическую, будущую и т.п.; 2) реализация ядерной ситуации N зависит от реализации S; 3) интенция адресанта: адресат осознает, что реализация N зависит от реализации S. Данное РО представлено в примерах (30):

- (30) а. Вы отдаете нам половину акций, и мы оставляем вас в покое.
 б. Встанешь пораньше, и успеешь все сделать.
 в. Дерни за веревочку, и дверь откроется.
 г. Пришел бы ты пораньше, и не пришлось бы тебе ждать, пока закончится перерыв.

Опять-таки ясно, что установление данного РО между конъюнктами обеспечивается не столько союзом *и*, сколько грамматической семантикой глагольных форм (модальным значением ирреальности) и знаниями ситуативного и / или энциклопедического характера.

Если сравнивать союз *и* в роли экспонента РО Условия с союзом *если ... (то)*, эксплицитно выражающим это РО, то можно заметить следующее. Союз *и* всегда присоединяет ядро к сателлиту-условию, то есть сателлит всегда первый конъюнкт. Союз *если* всегда присоединяет сателлит-условие к ядру, причем сателлит может как предшествовать ядру, так и следовать за ним.

Регулярное использование союза *и* (без конкретизаторов) при наличии обусловленности между конъюнктами привело В.З. Санникова к мысли о том, что семантический компонент обусловленности входит в значение союза. Он сравнивает союзное предложение (31а) и его бессоюзный коррелят (31б):

- (31) а. Коля ушел домой, и Петя остался в школе.
 б. Коля ушел домой, Петя остался в школе.

По мнению автора, (31а) интерпретируется как несущее информацию о том, что ситуация во втором конъюнкте была вызвана ситуацией в первом, тогда как в (31б) те же ситуации понимаются как независимые. Из этого делается вывод, что обусловленность входит в значение союза *и* на правах факультативного компонента, ср. предлагаемое автором толкование: $X \text{ и } Y = \langle X, Y \rangle$; возможно, X вызывает Y, и это положение дел является нормальным³⁷.

С нашей точки зрения, включать компонент обусловленности в значение союза, даже на правах факультативного компонента, не следует. Если мы рассматриваем не конструкции в виде изолированных предложений, как в (31), а реальные единицы дискурса, то (31) вполне может быть употреблено при полной независимости конъюнктов (правда, при этом в связи с перестройкой риторической структуры выска-

³⁷ В.З. Санников, *Русские сочинительные конструкции*, с. 186.

звания изменится и его интонационный контур), ср. изолированное (31) и то же предложение в контексте – (31’):

(31’) [Опять у нас в команде не хватает игроков.] Коля\ / ушел домой, и Петя\
 остался в школе.

(Интонация при обусловленности конъюнктов другая: *Коля ушел домой/, и Петя остался в школе*.) В (31’) соединяемые части связаны Конъюнкцией. Едва ли мы в процессе интерпретации дискурса сначала строим предположение о каузальной связи между конъюнктами, а потом отбрасываем его под влиянием контекста. Скорее, мы выводим актуальное РО между конъюнктами на основании инвариантного языкового значения союза *и* ('X имеет место, Y имеет место'), сведений, почерпнутых из контекста, и наших знаний о мире. Тогда РО Конъюнкция будет установлено при отсутствии подходящего сценария в наших знаниях о мире и наличии в контексте общей темы, с которой конъюнкты связаны идентичными отношениями, и тем самым, по ван Дейку, косвенно связаны между собой. В нашем случае они связаны с ядерной ДЕ *Опять у нас в команде не хватает игроков* при помощи РО Неволитивной причины.

3.2. РО, выражаемые союзом и в предложениях «с негативной квалификацией связи»

В этом типе предложений с несобственно соединительным значением «констатируется совмещение несовместимого, или соединенность несхожего, различного; соединительная функция союза и осложнена здесь противительным, противительно-уступительным или сопоставительно-уступительным значением³⁸, см примеры (32):

- (32) а. Он хотел встать с дивана, и не мог.
 б. Мозгу пингвинов крохотный, и где-то в этом мозгу есть клетки, деятельности которых может позавидовать изощренный мозг человека.
 в. Меня мамка тащит, тащит, как-то странно, и вытащить не может³⁹.

Если в предложениях с «положительной квалификацией связи» союз *и* присоединял конъюнкт, по своему содержанию отвечающий ожиданию, возникающему на базе содержания первого конъюнкта ('А обычно вызывает Б'), то в предложениях типа (32) картина обратная: *и* присоединяет конъюнкт, не отвечающий ему. Такое семантическое отношение между конъюнктами при союзе *и* соответствует симметричному РО Противопоставления (*Discord*)⁴⁰, если конъюнкты содержат ситуации, равноценные для сюжета, как в примерах (32а, в), или асимметричному РО Уступки (*Concession*), как в примере (32б), где первый конъюнкт является сателлитом, а

³⁸ *Русская грамматика*, Том II, с. 619; примеры (32а, б) из этого же источника.

³⁹ Пример из *Рассказы о свидениях*, А. А. Кибрик – В. И. Подлесская ред.

⁴⁰ См. репертуар РО в *Ibid*, сс. 438-440.

второй ядром (главное в содержании высказывания – не размер мозга пингвинов, а наличие в нем особых клеток; упоминание о размере мозга призвано усилить позитивное восприятие адресатом информации об особых клетках).

Специализированным средством выражения для РО Противопоставления в русском языке является союз *но*, а для РО Уступки – союз *хотя*, маркирующий уступительный сателлит (тот, в котором адресант признает нечто, что кажется несовместимым с содержанием ядра). Почему же вместо этих эксплицитных средств используется союз *и*, непосредственно выражающий только идею соединения двух ситуаций, но не их несовместимость? Е.В. Урысон, рассматривавшая соотношение значений союзов *и* и *но* в контекстах, где оба союза допустимы, см. (33):

- (33) а. Клубок покатился по полу, и остановился у порога
б. Клубок покатился по полу, но остановился у порога

увидела различие в следующем: союз *и* сигнализирует о сохранении определенной «настроенности сознания», а союз *но* о «переключении» сознания. Но во всех ее примерах, в отличие от (32), второй конъюнкт не противоречил порождаемым первым конъюнктом ожиданиям, основанным на представлениях о мире⁴¹. Очевидно, что «сохранением настроенности сознания» вряд ли можно объяснить употребление союза *и* вместо *но* в случаях типа (32), где имеется такое противоречие.

Попробуем объяснить случаи употребления *и* в типично «противительных» контекстах. В (32а) первый конъюнкт слабо обуславливает второй в соответствии со знаниями о мире: если кто-то хочет встать с дивана, то он обычно способен / может это сделать. Заметим, что если в (32а) заменить второй конъюнкт на семантически ему противоположный, то получится аномальный результат (34), а та же трансформация в (33а) даст нормальный результат (35), что свидетельствует о различии в интерпретации отношения между конъюнктами в (32а) и (33а):

- (34) ^{??}Он хотел встать с дивана и смог.
(35) Клубок покатился по полу и перекатился через порог.

(34) может быть уместным только в ситуации, в которой вставание для субъекта сопряжено с преодолением каких-то препятствий и требует особых усилий. В норме, сообщая о намеренном действии Р некоторого лица Х, мы не предвараем эти сообщения констатацией того, что Х хочет совершить Р, а говорим просто Х совершает / совершил Р (например, *Он встал*), поскольку компонент 'Х хочет сделать Р' входит в семантику любого глагола действия. Сам факт, что высказывание начинается с констатации того, что Х хочет / хотел сделать Р, порождает импликатуру, что Р не реализовано. В этом смысле использование союза *и* в предложениях типа (32а) – это обычное для *и* использование в ситуации обусловленности (= соответствия ожидаемому). Только ожидаемое в таких случаях порождается не знаниями о нор-

⁴¹ Е.В. Урысон, Опыт описания семантики союзов, с. 312-313.

мальных следствиях ситуаций типа А, обозначаемой первым конъюнктом, а знаниями принципов и правил прагматики речевого общения. Несколько иначе обстоит дело с высказываниями типа (32в). Сравним упрощенный вариант этого примера (36а) с (36б):

- (36) а. *Меня мамка тащит, тащит и вытащить не может.*
 б. *Меня мамка тащит, тащит и, наконец, вытаскивает.*

Оба высказывания звучат одинаково естественно, поскольку в обоих случаях второй конъюнкт соответствует ожиданиям, порождаемым в первом. Редупликация глагола – способ выражения смысла 'продолжать совершать действие в течение времени, которое существенно больше, чем обычно требуется для совершения данного действия'. Такой смысл порождает двоякие ожидания: с одной стороны, сверхнормативная продолжительность усилий имплицитно указывает на трудность достижения цели (ожидание: цель не будет достигнута), с другой стороны, она же порождает и противоположное ожидание: настойчивость в достижении цели часто ведет к успеху.

Таким образом, высказывания с «негативной квалификацией связи» при ближайшем рассмотрении оказываются особой разновидностью высказываний с «позитивной квалификацией связи», только ожидания, которым соответствует содержание второго конъюнкта, могут порождаться не нормативным сценарием, ассоциированным с первым конъюнктом, а имплицитурой первого конъюнкта. Несмотря на это, вид РО в данном типе высказываний (Противопоставление, Уступка) определяется объективным соотношением между содержанием второго конъюнкта и ожиданием, основанным на нормативном сценарии развития событий.

3.3. РО, выражаемые союзом И в присоединительно-комментирующих предложениях

Согласно *Русской грамматике*, в предложениях данного типа содержание первого конъюнкта так или иначе квалифицируется или оценивается во втором⁴².

Анализ примеров на данный тип употребления союза *и* показал, что в одних случаях конъюнкты связаны при помощи РО Оценки (Evaluation), в других – при помощи РО Интерпретации (Interpretation). РО Оценки определяется так: 1) сателлит S связывает ядро N со степенью позитивности отношения адресанта к N; 2) интенция адресанта: адресат осознает, что S оценивает N и осознает приписываемую им оценку. Этот вид РО иллюстрируют примеры в (37):

- (37) а. *И она будет драться за тебя, зубами вцепится, не отдаст – и права⁴³;*
 б. *Ты ничего не сказала мне, и это плохо⁴⁴.*

⁴² *Русская грамматика*, Т. II, с.620.

⁴³ *Ibidem*.

⁴⁴ *Объяснительный словарь*, с. 133.

О присутствии РО Оценки свидетельствует эксплицитное или имплицитное оценочное значение предиката в конъюнкте-сателлите (*хорошо, прав, верно, огорчительно, не может не радовать* и т.п.).

РО Интерпретации определяется так: 1) сателлит S соотносит ядро N с системой (framework) идей, не связанной с самим N и не связанной с областью позитивных оценок адресанта; 2) интенция адресанта: адресат осознает, что сателлит S соотносит ядро N с системой идей, не связанной с информацией, представленной в самом N. Ср. (38):

- (38) а. Человек должен трудиться, и в этом одном заключается смысл и цель его жизни⁴⁵.
 б. За все время своего существования футуризм не создал ни одного прозаика ... И это очень характерно для футуризма – течения прежде всего эмоционального, «женского»⁴⁶.

И при РО Оценки и при РО Интерпретации конъюнкт-сателлит, как правило, следует за ядерным конъюнктом и содержит анафорическое местоимение *это*, отсылающее к ядерному конъюнкту. Но сателлит может и разрывать его, как в примерах (39)⁴⁷:

- (39) а. Особое место занимают – и это очень странно – лоскутные одеяла!
 б. ... сейчас альпинизму (и это очень плохо!) должна учиться только профессиональная армия...

4. Заключение

Итак, анализ материала грамматик и словарей показывает, что союз *и* в дискурсе может быть маркером многих риторических отношений. Это симметричные РО Конъюнкция, Последовательность, Следование, Противопоставление и асимметричные РО Обстоятельство, Уточнение, Уступка, Волитивная и Неволитивная причина, Волитивный и Неволитивный результат (в частном случае – Эмоциональная реакция), Свидетельство, Условие, Оценка и Интерпретация. При всей широте своего риторического потенциала, союз *и* не употребим при всех презентационных РО, кроме РО Свидетельство, а также при таких фактических РО, как Альтернатива (Otherwise), Цель (Purpose), Решение (Solutionhood), Независимость (Unconditional), Отрицательное условие (Unless), и при множестве других РО, введенных дополнительно к основным⁴⁸.

⁴⁵ Русская грамматика, Т. II, с. 620.

⁴⁶ Национальный корпус русского языка.

⁴⁷ Примеры (39) также взяты из Национального корпуса русского языка.

⁴⁸ См. *Рассказы о свидениях*, А.А. Кибрик – В.И. Подлесская ред., сс. 438-440.

Соотношение выделяемых в РГ-80 типов значений, выражаемых предложениями с союзом *и*, с риторическими отношениями между конъюнктами, которые в них реализуются представляет следующая таблица:

Тип значения предложения	Риторическое отношение	
Собственно соединительное	Конъюнкция	
	Обстоятельство	
	Уточнение	
Несобственно соединительное	1) с позитивной квалификацией связи	
		а) без обусловленности
	б) с обусловленностью	Следование
		Волитивная причина
	Неволитивная причина	
	Волитивный результат	
	Неволитивный результат	
	Свидетельство	
	Условие	
	2) с негативной квалификацией связи	Противопоставление
		Уступка
Присоединительно-комментирующее	Оценка	
	Интерпретация	

Общим языковым значением союза *и* для всех его употреблений, кроме тех, в которых он выражает РО Условия, является логическое значение конъюнкции: 'X имеет место, Y имеет место'. Установление конкретного РО, отражаемого при помощи союза *и* в дискурсе производится под влиянием факторов трех типов: языковых (лексические значения конкретизаторов, пропозициональная семантика конъюнктов, грамматическая семантика их предикатов, анафорические отношения между конъюнктами), экстралингвистических (представления о нормальном ходе событий), дискурсивных (соотносительная важность соединяемых ДЕ в семантической структуре дискурса, характер их «внешних» связей с другими ДЕ).